СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР —
СССР ЧЕРЕЗ 70 ЛЕТ

№ 20

СМЕХАЧ

НОЯБРЬ 1924 Ленинград, Просп. Володарского, 51, кв. 9. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

Рис. А. Радакова.

Шептуны полагают, что к 1994 году весь мир будет белым. Но когда вы дойдете до последней страницы —

— „В руках мятежников столица и канал. Осталось выполнить ничтожную проформу...“

Предсовнарком дал радио-сигнал и вышел на причальную платформу.

Провел рычаг по шкале „от“ и „до“.

Пропеллер двинул стройную громаду.

...Среди подушек аэро-ландо так хорошо готовиться к докладу!

Дворец Советов весь набит людьми: его для тысяч возводил строитель.

С трибуны, словно цербер под дверьми, зияет пастью громкоговоритель.

Поверх трибуны — трепетно - жива — пылает ткань знамен в гореньи алом.

И гулко повторяются слова Предсовнаркома по огромным залам:

— „Товарищи!

„Последний зла оплот, еще вчера Республика Панамы гнила и гибла... Пробил час. И вот — стоим мы при последнем акте драмы

„Клочок земли, что изрыгал, дрожа, проклятия Республикам Советов, охвачен весь пожаром мятежа, гремит набатом боевых декретов.

„И вот одна из самых первых мер:

„Сложив ярмо, исполненное срама, ходатайствует Красная Панама, чтобы признал ее СССР.

„Гнет вычеркнут из мировых анналов. Последний деспот прячется, как тать...“

И тысячами радио-сигналов Дворец ответил:

— Принято. Признать.

В тот вечер говорил Предсовнарком в одной из зал Дворца отдохновенья:

— Мне нынче на глаза попался том... Весьма забавный случай совпаденья!.. Невольно взгляд на старый шрифт упал — и я увлекся чтением, как спортом: нас кто-то в этот самый день признал в году... в году .. в году 24-ом! Хоть банки и вопили: „ни за что!“ — но ждали их немалые конфузы...

И помолчав, добавил:

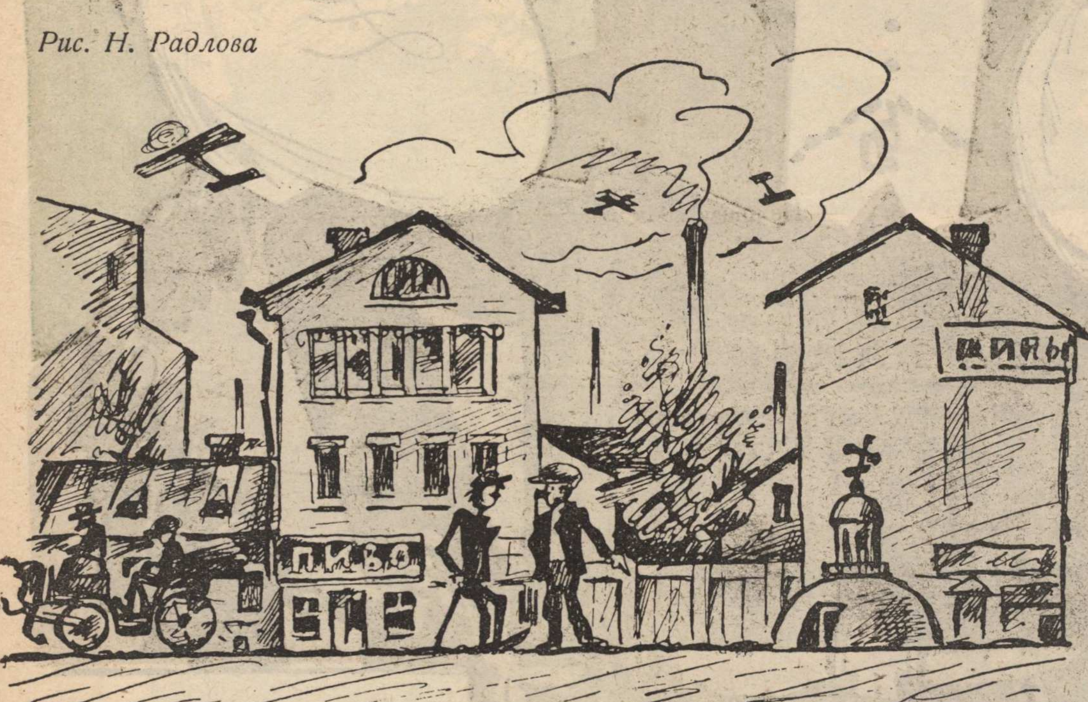
— Ну, а кто — не помню точно. Кажется, французы.

А. д'Актиль

ЛЕНИНГРАД НА СВАЯХ

(Долой наводнение!)

Рис. Н. Радлова



— Замечательно интересно: я только что спускался в Исаакий...

АЛЫЙ СМЕХ

(1924 г.)

Стройно, твердо, мерным шагом!
Сторонись брюзга — нэпач:
С алым смехом, с красным флагом
Бодро шествует Смехач.

Нам не надо карнавала:
Чтоб никто не унывал,
В каждом номере журнала
Развеселый карнавал.

Зорким глазом (лучше лупы!)
Обнаружим в пять минут
Все, что мерзко, тупо, глупо
Тормозит советский труд.

От Карелии до Лубен,
От Москвы и до Читы
Смехачевский звонкий бубен
Сводит смехом животы.

Смейся старый, смейся малый,
Пионер и ветеран:
Смех наш бодрый, смех наш алый —
В темя прошлому таран.

Пусть другие горько плачут,
Вспоминая Красный Год.
Мы смеемся. Это значит —
Дело весело идет.

Семь годочков! Как по вехам
Пролетел поток времен,
И смеется красным смехом
Алость праздничных знамен;

И смеется смехом гулким
Шаг трудящихся людей
По проспектам, переулкам,
По раздолью площадей;

И смеются флаги с вышек,
И смеется щелк подков
Под улыбки ребятишек,
Под веселый гул гудков;

И хохочет грохот пушек,
К небу прыгая, как мяч,
И напрасно в пух подушек
Прячет голову нэпач!

Р. Волженин

ЧЕРЕЗ 70 ЛЕТ

Знаю-ли я арифметику? Да, — знаю.

И вот я беру свои 36 лет, прикладываю к ним 70 и получаю 106 лет.

Из этой симпатичной суммы торопливо вычитаю 70 лет (по Штейнаху). Остается опять 36

Прекрасно! Итак, в 1994-м году, 24-го июля, в 4 часа пополудни, мне по прежнему — тридцать с хвостиком, я омоложен, весел и здоров.

Я вхожу в книжный магазин, (простите, читатель, что из опасенья впасть в преувеличение, я не описываю этот момент, примерно, так: нажимаю кнопку — десять книжных магазинов, с быстротой молнии, попадают ко мне в кабинет по радио-телеграфу...)

Человек приятной омоложенной наружности (он называется, вероятно, — книгораспределитель) встречает любезным вопросом:

— Что угодно получить?

(Разумеется, это могло-бы представиться живописнее: кнопка А — „нажимайте и назовите требуемую книгу": кнопка Б — „нажмите, и требуемая книга автоматически отправится в ваш портфель". Но я не сторонник необузданно пылкой фантазии).

— Покажите что нибудь из мемуаров, — отвечаю я любезно, без помощи кнопок (кустарным способом).

В 924 году люди торопились, люди говорили: скорее-скорее! Жизнь коротка!.. В 1994-м — спешить никуда, ибо в любую минуту, зайдя на углу к врачу, можно по сходной цене продлиться на какой угодно срок. В 1994-м году ни в ком не вызовет недоверия и, пожалуй, покажется невероятно скучным рассказ о человеке, который, прочитав накануне своей добровольной смерти публикацию об интересном завтрашнем спектакле, решил спешно омолодиться на 18 часов 30 минут — т. е. ровно до последнего трамвая.

И я, не торопясь, отдаю дань любознательности и рассматриваю книги, разложенные передо мной книгораспределителем.

Ах, как много интересного! Какое разнообразие имен!

Вот — толстая книга в золоченом переплете: *„Почему я работаю в „Безбожнике"* ... 400 страниц, цитаты из апостола Павла...

Автор? Ну, конечно же — маститый богоискатель Д. Мережковский.

„О том, как я был миллиардером. (Веселые воспоминания Ротшильда)". „Юные пионеры и Дарданельский пролив" — рассуждения кандидата РКП Павла Милюкова.

Георг Английский. Мемуары б. венценосца. С предисловием Мещерякова. Макдональд. Кое-что о технике поддельных писем. 3-е издание, вновь пересмотренное и дополненное автором.

А вот маленькие уютные книжечки. Наверху подпись: *Б. Савинков (В. Ропшин).*

Заглавия: „Конь сивый", „Конь муропегий", „Конь в яблоках" ... и т. д. - много коней. Целый конский завод. 40 лошадей и 8 человек.

А вот, глядите, — куда конь с копытом, туда и рак с клешней: *„Б. Кирилл Романов. Корова бледная. С факсимиле и портретом.* На обороте — для сведения читателей: „Готовится к печати *„Корова воронад"* ...

Прекрасно! Я отбираю для себя несколько коней, корову, безбожника Мережковского и „Кое что о технике" Макдональда...

— Не возьмете-ли чего нибудь из художественной литературы? — спрашивает книгораспределитель. — Вот, например, — полное собрание сочинений — восемьдесят томов, с предисловием Троцкого и портретом автора.

Я раскрываю первый том, и на меня с портрета глядит симпатичное омоложенное лицо.

Автор? Но я не назову его имени. Я только скажу, что это-то самое лицо, которое я вижу каждый раз, садясь перед зеркалом с бритвой. И даже — омоложенная бородавка на левой щеке, как живая.

— Ого! — говорю я, поощрительно похлопывая восемьдесят томов: — Нельзя сказать, что человек не написал ни одной строчки!

Я забираю книги, весело кланяюсь и ухожу.

(По другой версии — я ухожу, а за мною по-пятам, под действием лучей, гуськом бегут книги).

Ив. Прутков

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

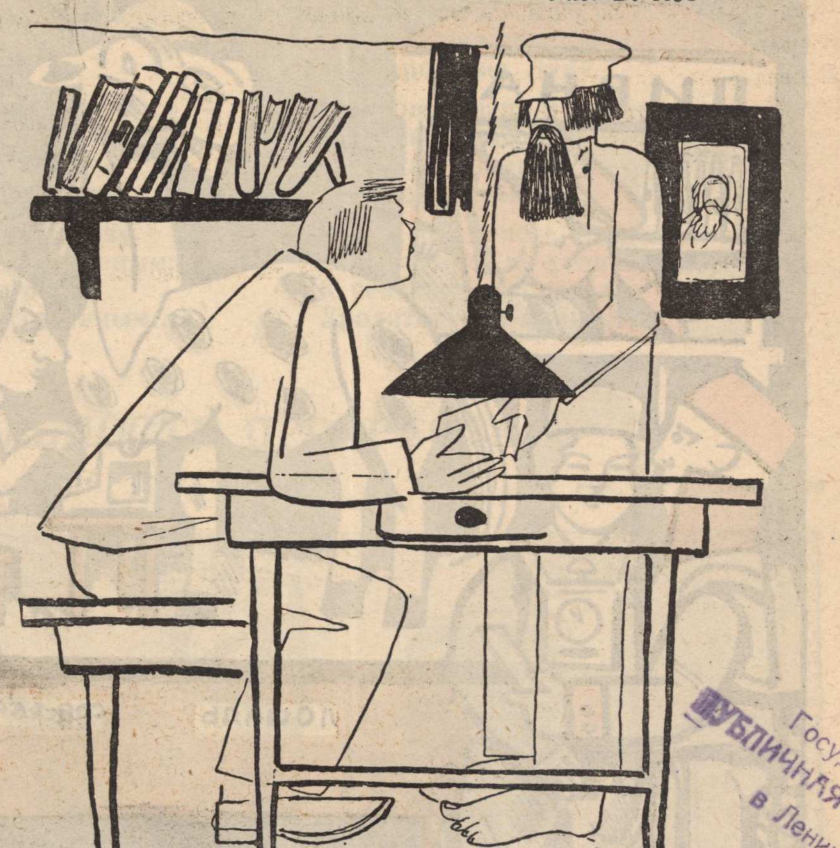
— Гражданин милиционер, а гражданин милиционер?..

— Ну, что вам, гражданка?

— Обратите внимание на этого хулигана: просто пролету мне не дает — увивается все вокруг, так и норовит под крыло попасть...

ЗАКОН ВРЕМЕНИ

Рис. В. Козлинского



— Ты что-же подсунул мне классиков?! Давай, взамен Маяковского, что нибудь новенькое.

КАРМАННЫЙ ВОПРОС

— Знаете, эти извозчики дерут немилосердно!

— Да ведь есть такса?

— Не признают: с меня вчера с Ленинградского Октябрьского до Московской Тверской содрал четвертак, и хоть бы что!

ЧАСТУШКИ 1994 года

Говорят, не урожаи
Раньше были каждый год, —
А теперь земля рожает
С десятины мер пятьсот.

Говорят, что раньше спины
Люди гнули за кусок,
А теперь гудят машины,
Пашет, жнет Электроток.

Говорят, что раньше пили
Самогонку дурачье,
А теперь в автомобиле
Разъезжает мужичье.

Говорят, что раньше в „мате"
Упражнялись стар и мал,
А теперь — взгляни — шахматы,
В каждой хате „Капитал".

Говорят, что раньше браки
Были связаны попом,
А теперь с невестой Яков
Прет венчаться в Исполком.

Говорят, что раньше к богу
Обращались мужики.
А теперь у нас дороги —
Все шоссейки, большаки.

Говорят, в полях бурьяны
Да полын-трава росла, —
Мы летим на ероплане,
На прогулку из села.

Н. Тихомиров

Рис. А. Радакова

ЧТО БУДЕТ, КОГДА НАС НЕ БУДЕТ

К электро-освещенному подъезду

МУЗЕЙ СТАРОГО БЫТА

съезжались крестьяне Закинь-Подальшинской волости. Бедняки тряслись на мотоциклах, середняки подкатывали на автомобиле, а кулаки, доживавшие последнюю четверть века, с шиком снижались на модных двуместных аэропланчиках. Во дворе, под железо-бетонным навесом уже стояли ряды незатейливого мужицкого транспорта: автобусов и дирижаблей. В приемной на кожаных диванах сидели крестьяне, беседуя о последних работах метеорологической станции по распределению естественных осадков. В дверях появился завмузеем, профессор истории.

— Будь готов! — сказал профессор, приветливо подымая руку.

— Всегда готов! — отвечали крестьяне.

Посетители разбились на группы и прошли в зал.

— Вот, — сказал профессор, подводя группу к первому экспонату, — обратите внимание на эту главную силу в прежнем крестьянском хозяйстве.

Экспонат заржал и брыкнулся задом.

— Довольно странное животное, — разглядывали крестьяне экспонат, — и волосяной руль сзади...

— Это хвост, товарищи, и служит он для пугания назойливых мух. Животное теперь большая редкость, но в те времена каждый крестьянин держал подобную сивку, впрягая ее в соху.

— Соха? Кескесе? — удивился молодой крестьянин.

— Соха жалкое орудие земледелия, — пояснил профессор, подводя группу ко второму экспонату.

Крестьяне с презрением глядели на соху.

— Какое варварство! — воскликнул дедушка мелиорации, Пахом, вытаскивая из кармана радио-приемник и принимая от Аксиньи телеграмму о праздничном меню фабрики обедов.

Профессор подошел к следующему экспонату и указал на микроскопическую букашку под увеличительным стеклом.

— Обыкновенная рабоче-крестьянская вошь, паразитический элемент, водившийся на свободе и населявший человека.

— Какая гадость! — с негодованием воскликнула молодая крестьянка.

— Да, товарищ Октябрина, — сказал профессор, кладя высококультурную руку на просвещенную голову крестьянки, — на них охотились при свете костра.

Профессор отошел к следующему экспонату и торжественно поднял палец.

— Товарищи! Перед вами яркий образец некультурности того времени — самогон.

На столике стояла бутылка с керосиновидной жидкостью. Крестьяне с отвращением глядели на нее.

— Кто из вас помнит эту язву старого быта?

— Я помню, сказал дедушка мелиорации, Пахом. — Моя мать, дефективная женщина, собственноручно гнала во весь опор самогонку и беспатентно ею торговала. Иногда мать напивалась, закусывая соленым огурцом, при чем говорила мне — приучайся, Пашутка, к производству, под старость хлеб будет. После чего эта дефективная женщина безудержно рыгала.

Профессор открыл бутылку с жидкостью и дал всем понюхать. Крестьяне нюхали самогонку, содрогаясь от омерзения

— Если такой отвратительные запах, — проговорил молодой крестьянин — какова же она на вкус?

— Вкус убийственный, — ответил профессор.

— Товарищи, — продолжал крестьянин, — чтобы понять всю мерзость этого бывшего дурмана, необходимо испробовать на вкус.

— Вы правы, товарищ Первомай, — сказал профессор, — необходимо вкусовое ощущение, — и подал бутылку.

Молодой крестьянин отхлебнул и поперхнулся.

— Какая пакость! — прохрипел он, облизываясь. — Жгет, будто по кишкам пробежала тысяча вольт с Волховстроя.

Дедушка мелиорации приложился к горлышку и сказал тоном знатока:

— Хлебная, сволочь.

— Товарищи! сказала молодая крестьянка Октябрина, — довольно расходовать экспонат. Пущай товарищ профессор спрячет остатки, на поучение остальным потомкам.

— Ничего, — успокоил профессор: — мне не трудно снова наполнить бутылку. Вот, смотрите...

Он отвернул водопроводный кран и подставил бутылку.

— H_2O!! - закричал, не веря глазам, дедушка мелиорации.

— Совершенно верно: простая вода.

— А почему же жгет?

— Гипноз... — улыбнулся профессор. — Я внушил вам, что это — самогон.

— Ловко! — почесал дедушка за-ухом. — А настоящего бывшего не держите?

— Нигде! Даже в музее. Чтоб и духу его не было!..

К. Мазовский.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ БУДУЩЕГО

Я для Кима для Петрова
Печь блины всегда готова:
Испеку аладию —
Перешлю по радию!

Я летала в Дарданеллы
К внуку бабушки Нинелы —
Свой обычай справила
С Октябрем проздравила.

Прилетит миленок пулей —
Я его не отпущу:
Сверх-питательной пилюлей
До отвалу угощу.

Етой новостью сама я
Оченно встревожена:
Говорят, что тетка Мая
Переомоложена!

День тяжелый мне достался —
Трактер с норовом попался:
При моем карактере —
Трудно мне на трактере!

Подарил мне милый розу
Со стишком сочувственным:
Я попрыскаю ту розу
Дождичком искусственным.

Я к миленку без оглядки
На побывочку махну:
Провели без пересадки
Желдорогу на Луну.

Сельсовет наш молодец —
Ето знает кажный:
Переехал во дворец
Сорокаэтажный!

Как у нас теперь раздолье
Перешли мы на стополье:
К сентябрю таперя лен
Уродится сам-мильен!

д'А

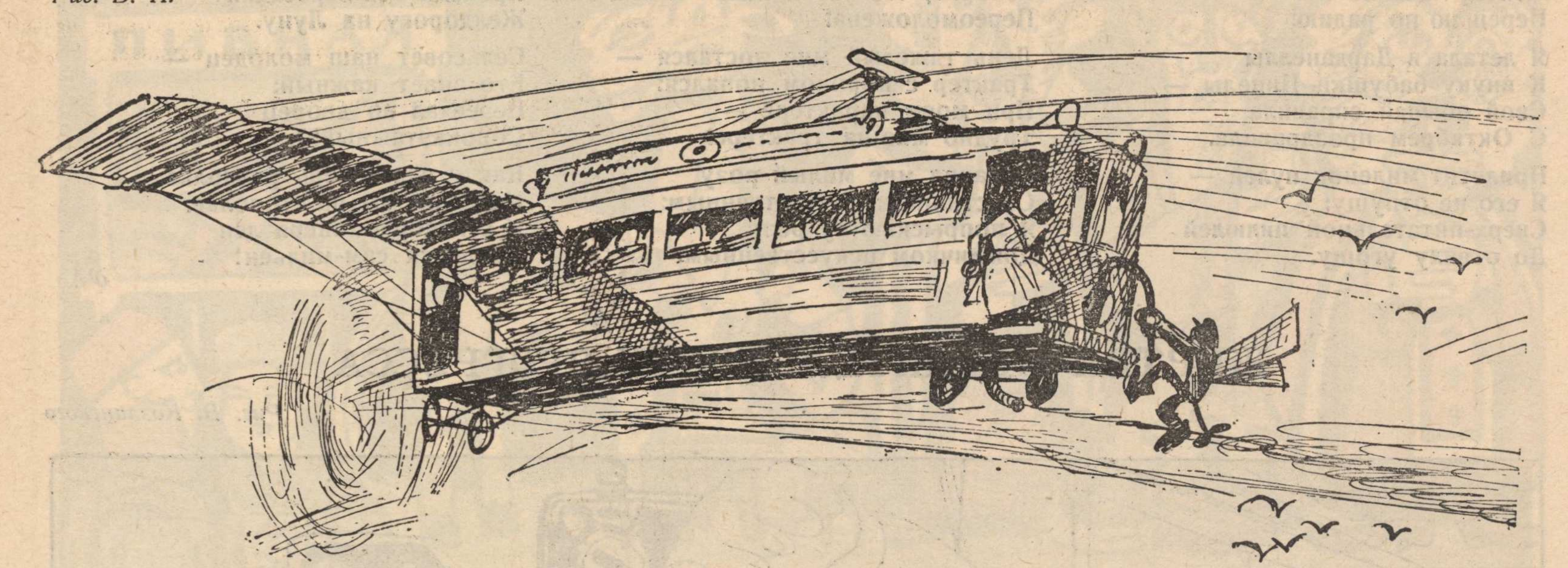
ЖЕРТВА МЕДЛИТЕЛЬНОСТИ ПРОГРЕССА

Рис. В. Козлинского

— До всего додумались люди, а вот рук не догадались добавить... Какому-нибудь однотракторнику конечное дело, двух рук за глаза хватает. А ежели, скажем, у меня опытное хозяйство и полторы тысячи трактеров под началом — тогда как?

АЭРО-КОЛБАСА

Рис. Б. А.



— Отчепись, проклятый! Налетит контроль—из-за тебя, подлого, еще под штраф попадешь!

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый читатель! Я не знаю какие газеты будут через 70 лет.

Может быть газет и совсем не будет. Может быть у каждого гражданина над кроватью будет присобачен особый небольшой радио-приемник, по которому и будут узнаваться последние сенсационные политические новости.

Однако, может, газета и будет. Конечно, это будет иная газета, чем теперь. Будет она, небось, напечатана на бристольском картоне с золотым обрезом, в 24 страницы.

Но одно в ней сохранится — это отдел жалоб.

Говорят: ничто не вечно под луной. Явно врут. Отдел жалоб будет вечно.

На наш ничтожный взгляд в 1994 году отдел этот будет примерно в таком виде:

1. Аэро-разврат

Уважаемый товарищ редактор! Вчерась, возвращаясь со службы на казенном фармане, мне представилась в воздухе такая картина. Летит под пропеллером двухместная колбаса, на которой облокотившись летит заведывающий 10-й радио-кухней со своей кассиршей Есиповой.

Не разобравши за шумом про чего они говорят, я пролетел мимо.

А пущай-ка спросит редакция, на какие это народные деньги летит на колбасе зарвавшийся заведывающий радио-кухней?

А кассиршу давно бы пора по зубам стукнуть — пущай не тратит бензин на свои любовные прихоти.

А когда я на нее с казенного фармана посмотревши, так она трудящемуся язык показывает.

Служащий 10 радио-кухни *Чесноков.*

2. Халатность

Гражданин редактор! Пора, наконец, упорядочить дело с пеплом.

Отвезши мою померщую бабушку в крематорий и попросив заведывающего в ударном порядке сжечь ее остатки, я являюсь на другой день за результатом.

Оказалось, что мне перепутали пепел, выдав заместо ее пепла, пепел какой-то гражданки.

На вопрос: где же старушкин пепел? заведывающий нагло ответил, что пепел безразлично какой, чей и что ему нету времени возжаться с пеплом

На вопрос, что эта старушка была свидетельницей Революции и что это великая старушка, — заведывающий явно испугался и просил не доводить дело до центра, предложив мне, кроме того, взять еще сколько угодно пеплу.

На вопрос, как же я могу разобраться какой чей пепел, заведывающий заявил, что он не в курсе и что он на следующих моих родственниках будет делать специальные метки.

Уважаемый редактор, пора бы поднять вопрос о правильной постановке дела на страницах вашего органа.

С приветом *Лучкин.*

3. Тормозят науку

Уважаемый редактор и дорогие наборщики!

Наблюдая из окна в телескоп Марс и другие планеты с научной целью, я заметил какое-то затемнение рефрактора.

Влезши немедленно на подоконник, чтоб узнать в чем дело и удостовериться отчего это затемняется и не планета ли заслонила трубу, увидел, что сбоку кто-то пронзительно свистнул и чья-то фигура скрылась за углом трехэтажного небоскреба.

При ближайшем осмотре оказалось, что неизвестная фигура сперла с телескопа увеличительную стекляшку, через что смотреть на небесные миры.

Заявив милиции о пропаже стекляшки, прошу кроме того уважаемый печатный орган продернуть лиц, тормозящих науку и прущих из под носа научные стекляшки.

Ник. Кушаков.

4. Старая история

Отличаясь слабостью организма, я ежедневно поднимаюсь на колбасе для принятия солнечных ванн.

Вчера, поднявшись на небосвод, я обратил внимание, что на бывшем Петропавловском шпилю торчит какая-то штуковинка.

Подлетев ближе, выяснилось, что это торчит небольшая бывшая коронка.

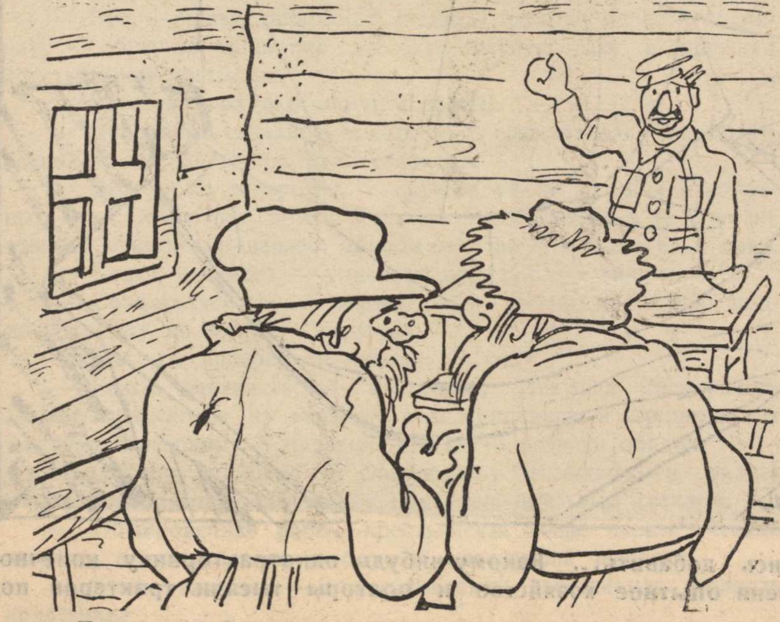
Доколе же, гражданин редактор и наборщики?

Неужели же смотритель Петропавловки мечтает еще о возврате царского режима?

Потомственный крестьянин *Егор Бабичев.*

Мих. Зощенко

ЛИКВИДАЦИЯ ЛИКВИДАЦИИ



— Граждане! В текущем 94-м году вы двое — единственные неграмотные во всем СССР! Итак — дозвольте вас ликвидировать.

СКАЗКИ СТАРОГО ПИОНЕРА

Ноябрьский вечер 1994 года догорал. За окном гудела жизнь и где-то над крышей зычно кричал милиционер:

— Зачем с аэрозая на легу соскакиваешь? Плати штраф!

В столовой квартиры 1234567 соработника „серия Д" на коленях у дедушки сидел мальчуган, лет восьми, и просил:

— Дедушка, раскажи какую-нибудь смешную сказку!

— Смешную? Разве рассказать тебе, как мы жили в 1925 году,— тогда еще много было смешного.

Старик вздохнул, высморкался воздушным носовым платком и начал:

— Был я тогда пионером. Набегаешься за день, устанешь, а утром раным-рано мать уже кричит. „Сенька, чорт! Вставай, беги за хлебом".

— Сенька?! Разве бывают такие имена?

— Тогда всякие бывали. У меня был один знакомый Коминтерн Николаевич Елдырин. За отцов и страдали. Да и у меня настоящее то имя Люксембург было, да мать его не признавала и еще перед соседками хвасталась, что меня в церкви Сенькой окрестила. Ну, ладно. А отец с утра бывало сидит сердитый с похмелья-то.

— С похмелья? Ты что то, дедушка, выдумываешь. Как это с похмелья?

— Как бы это тебе сказать? — дедушка пощелкал пальцами и, взяв со стола пилюлю в пять стаканов чаю, проглотил ее. — Ну, хоть горло немножко промочил. Была значит такая русская горькая. Выпьет ее человек, а на завтра у него голова болит.

— Так зачем же ее пили, раз она горькая?

— Уж такая горькая: пьют и морщатся. А только зачем-то пили. Как получка, так и пьют. По колдоговору, что ли, полагалось?

— Надо будет его опять омолодить, — сказала вполголоса жена „серии Д" мужу, сидевшему у окна и просматривавшему на небе последнюю хронику. — А то он опять что-то забалтываться начал.

— Ну, вот, — продолжал дедушка. — Побежишь это в кооператив за хлебом. В 25 году уже хорошо было: очереди маленькие и редко, редко хлеб с гвоздями давали. Разве уже на любителя только. Днем опять туда, сюда, смотришь уж и обед на носу.

— А тогда так же обедали?

— Ну, нет брат, — д душка горделиво выпрямился, — тогда не так было. Нальет бывало мать полную тарелку щей, а от них такой аппетитный пар валит, даже в носу щекочет. А сверху-то мясо, жир так это и плавают. Съешь тарелку, — еще нальют. Так уж и чувствуешь, что живот пучить начинает. Но это только начало.

Отец мальчугана бросил радиогазету и слушал с затаенным дыханьем, а жена его сидела с открытым ртом и у ней уже текла слюна. Дедушка ссадил на пол мальчугана и встал во весь рост.

— Да с! Только начало Потом каша полагалась. Если гречневая, — в масле так вся и плавала. Возьмешь в рот полную ложку, перевернешь ее, а каша так и тает, так по живчикам и переливается. А если еще с луком, — тогда даже и слезу прошибало. Но это еще не все! — старик хлопнул кулаком об стол. — Еще кисель подавался. Кисели разные бывали..

Он говорил еще долго и когда кончил, — все облизнулись.

— Ах, какая вкусная сказка!

— Ну, нам пионерам дело много было. МОПР там, разное шефство над деревней. Тогда газеты в деревню как-то обходом ходили. Из города до деревни 25 верст, а газета 5 месяцев идет, да еще по дороге ее всю искурят: до деревни только один ярлык дойдет. Идем это мы по улице и поем:

„Во и боле ничего!" С руганью еще боролись...

— А как это, дедушка, ругались-то?

— Да-да, это крайне интересно, как это ругались-то, — поддержали сына отец и мать.

— Да как. Кажется вот так: „Ах ты"... Да нет, забыл дальше уж. Забыл... А раньше все досконально конешно знал. Эээх...

В это время прокричал стенной рупор:

— 14 часов! Детям от 8 лет пора спать! Центросказка начинает рассказывать им сказки.

Но мальчуган не хотел спать, не хотел слушать рупор и, отбиваясь от матери, говорил:

— Не хочууу центросказок. Хочу дедушкиных сказок... Во и боле ничегоооо!..

Вл. Тоболяков.

ДЕТ-ХРИСТОМАТИЯ

Для школ I-ой ступени.

Госиздат.
Ленинград. Москва.
1994.

I
ЗИМА

Зима. Крестьянин торжествуя,
На аэро свершает путь.
Его мотор, бензин почуя,
Гудит во всю, не как нибудь.
Бразды эфирные вздымая,
Летит в Ижору из Шанхая...
Селькор сидит на облучке,
С пером несохнущим в руке.
Вон трактор бегает без шубы,
Колеса в землю посадив,
Себя в коня преобразив.
Шалун уж заморозил трубы.
Ему не больно, не смешно,
Но волсовет грозит в окно.

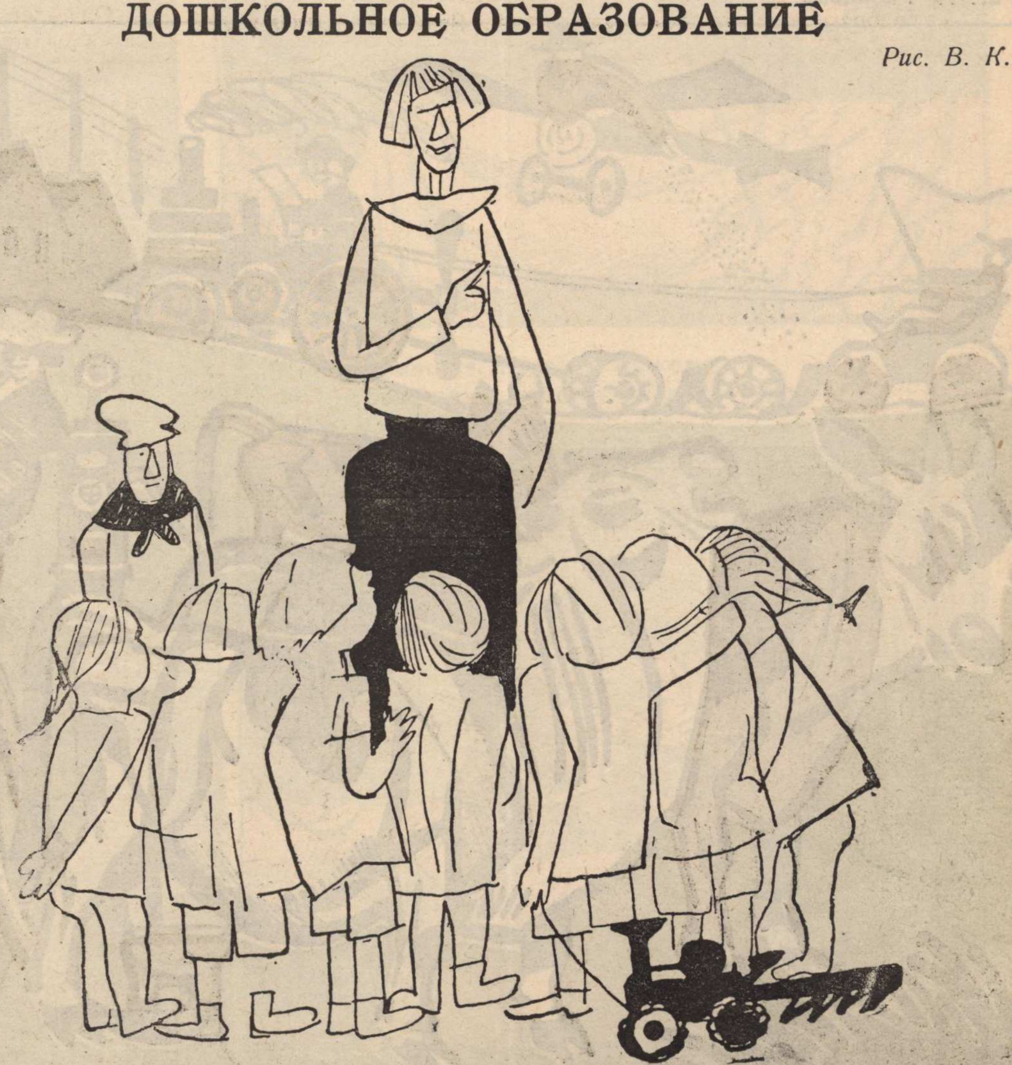
II
ПТИЧКА

Птичка глупая не знает
Про магнитную волну,
На планеты не летает,
Не порхает на луну.
В долгу ночь на месте дремлет,
Солнце красное взойдет —
Птичка радио не внемлет
И в приемник не поет.

Андрей Моржов

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Рис. В. К.



— И вот, дети, еще пятьдесят лет тому назад дети рождались неграмотными. Потом неграмотность была ликвидирована, они рождались уже грамотными, а сейчас, как вы знаете, каждый ребенок рождается с законченным образованием II ступени, плюс какое-нибудь ремесло.

СЛУЧАЙ В 1994 ГОДУ

Причины и следствия

У Мопра Коминтернова
В селе „Утячий Кочень“,
Должно быть, с глаза скверного
Болеть стал трактор очень.

Бензина наилучшего
Не хочет трескать стерва,
А до такого случая
В селе был трактор первым.

— Ну, не иначе сглазили
(Есть злые средь народа!)
Мопр иодом трактор смазывал,
А трактор, как колода.

Лишь заведись порок-то раз,
С ним жди и после встречи;
Позвать-бы трактодоктора
Да волость, вишь, далече.

Но Синдикат Главсахаров,
Старик седой и древний,
Сказал:—„Зови-ка знахаря
С Семашковой деревни.

Он знает силы черные
И трактор твой не косо
Травою наговорною
Поставит на колеса!“

Позвал. Такого фактора
Нельзя отбросить тоже:
Авось, мол, знахарь трактору
Своей травой поможет!

И... как вам это кажется —
Бывал ли факт чудесней?—
Как знахарь ни куражится,
А трактор, хоть ты тресни!..

И чудо было велие,
Объяли небо тучи,
От знахаря Савелия
Все-ж трактору не лучше.

* * *

Сметесь?.. Нынче пахаря
Не ловят этой сетью!
Неужто-ж будут знахари
Чрез семьдесятилетье?

А ведь вполне открытыми
Наметились вопросы:
Снабжают-ли кредитами
Сельшколы Наркомпросы??.

К. Шелонский

В ВОЛСУДЕ

— Как же это вы, гражданин, так неосторожно на него налетели?

— Это у меня в крови, гражданин судья — еще дедушка мой не раз за налеты судился.

БЕЗОБЛАЧНЫЕ ТУЧИ

— Май Кимыч, погляди по расписанию: будет сегодня дождь иль нет. Туч чего-то не видать...

— Будет от 4 до $^1/_2$ 7. Рано еще, а тучи, верно, в соседней волости задержаны.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

— Ну, знаете, ваше село и отличилось! А что?

— Да как же—взяли волостной радиоаппарат, да ка ак ругнутся по ему на весь свет! Даже на Огненной Земле скунфузились.

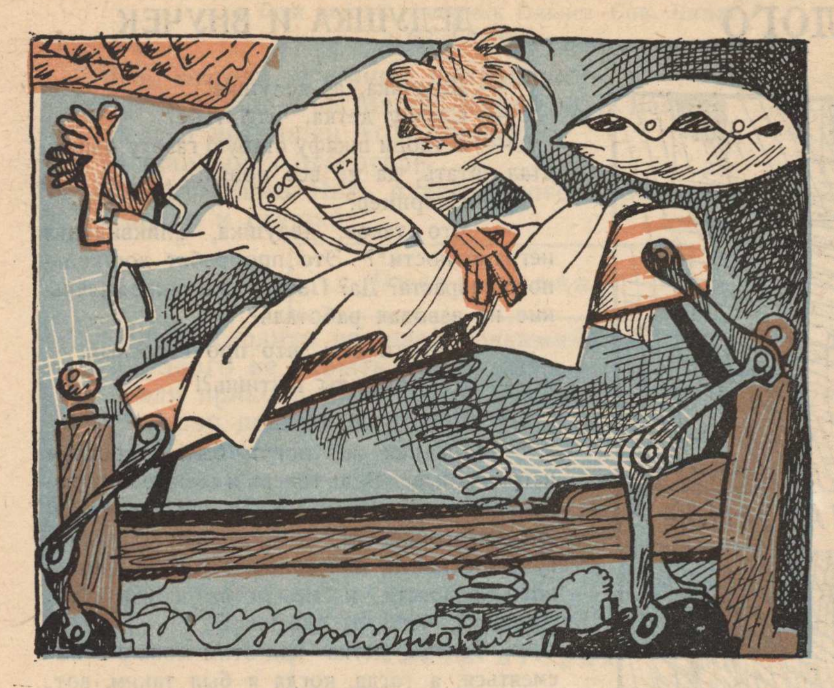
РУКИ ПРОЧЬ—

Рис. А Радакова

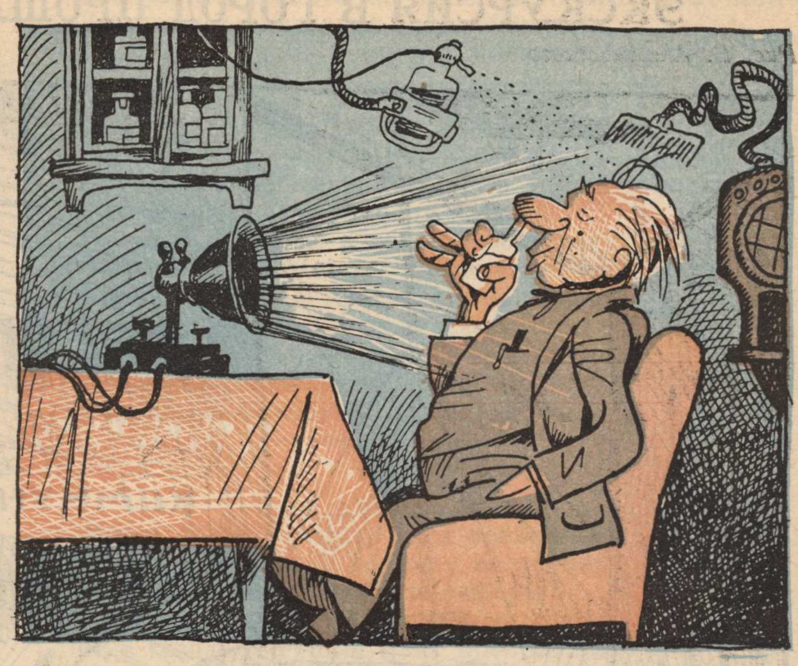
— от коров!

ДЕЛОВОЙ ДЕНЬ В 1994 ГОДУ

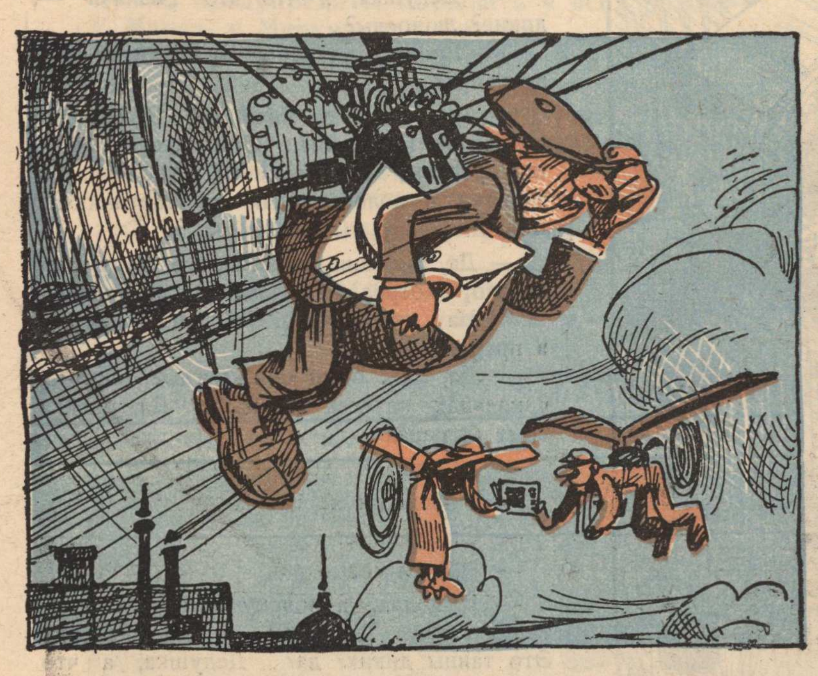
Рис. Б. Антоновского



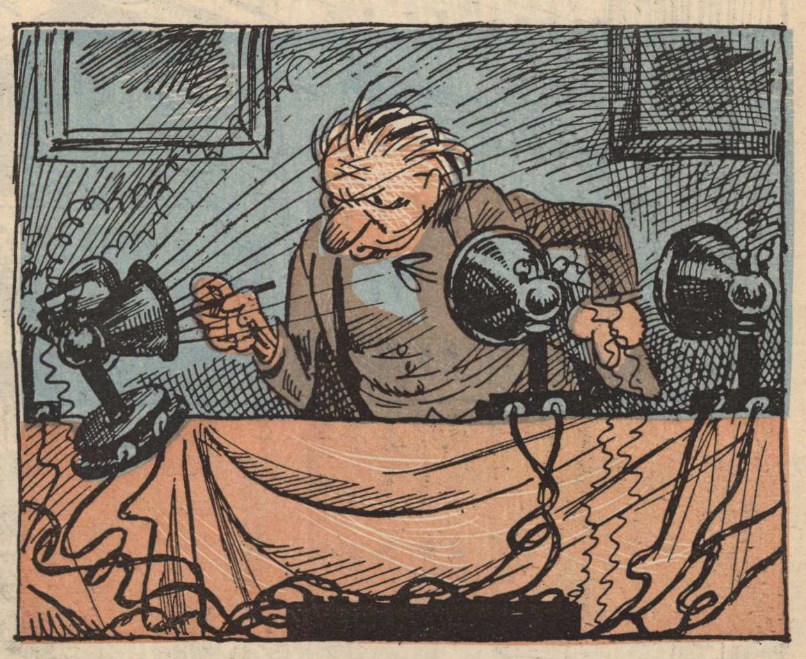
1. Будильник в будущем ни для кого не нужен:
Автоматически ты поднят и разбужен.



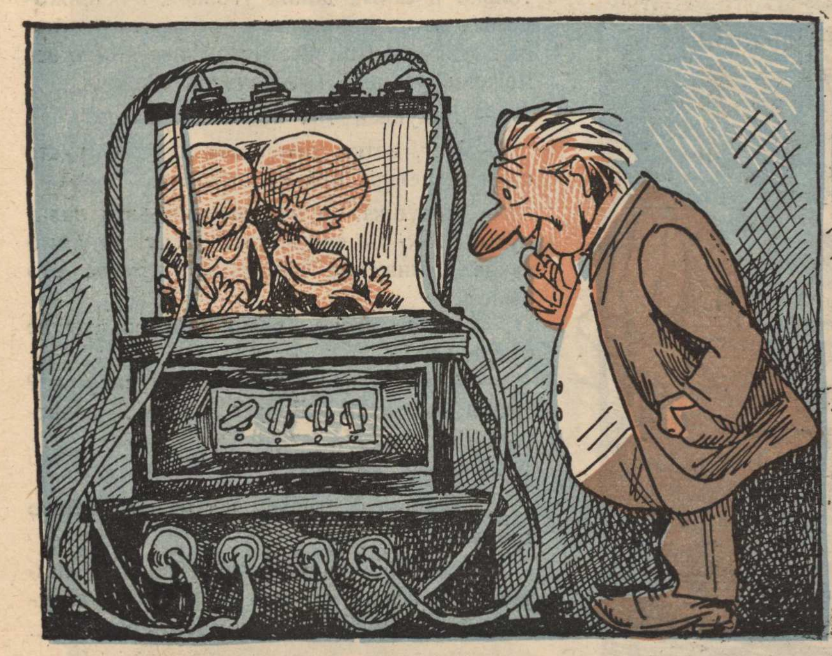
2. Нет нужды ни в столовой, ни в уборной:
Здесь способ применен лабораторный.



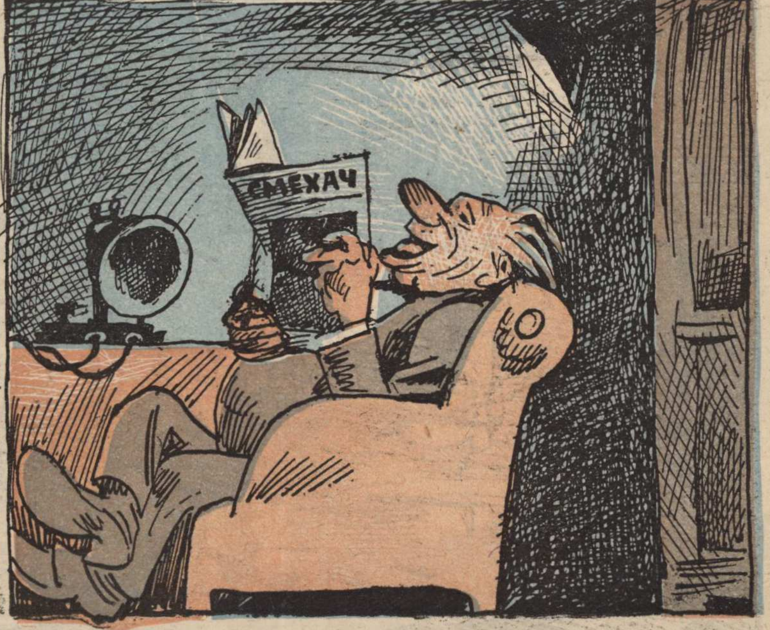
3. Летишь стрелой. Душа поет в восторге.
Секунда, две — и ты в Эфироторге.



4. Комиссия. Ведя ее толково,
Болтливый аппарат лишаешь слова.



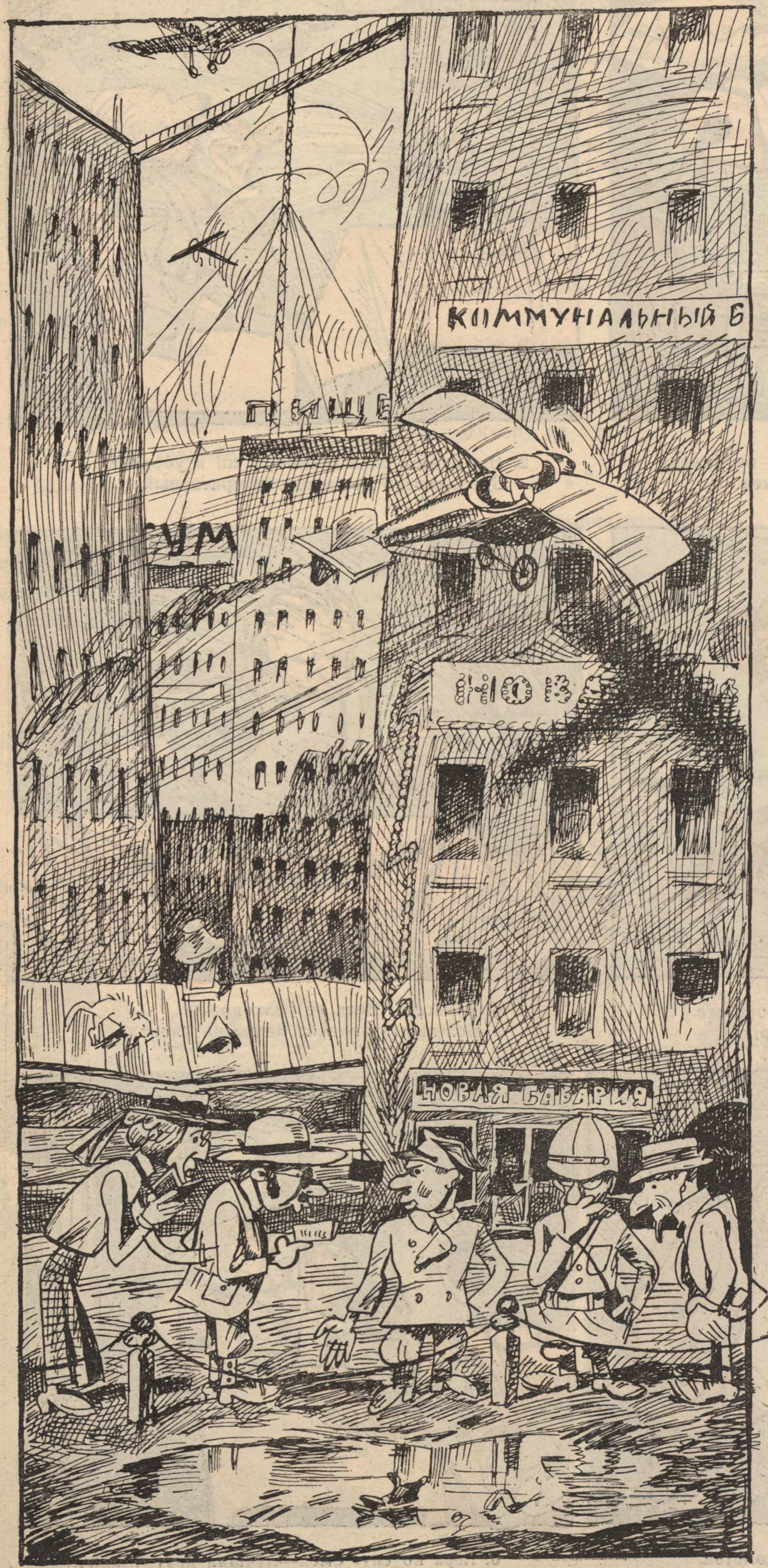
5. Опять домой. В избытке скопидомства,
Взглянуть заходишь на свое потомство.



6. Пора ко сну. Смех—лучший друг и врач.
Ну, как не почитать на сон Смехач?!

ЭКСКУРСИЯ В ГОРОД ПРОШЛОГО

Рис. Б. Антоновского



— Обратите внимание, дорогие граждане: вот в полной неприкосновенности Миргородская лужа, описанная еще Гоголем.

ДЕДУШКА И ВНУЧЕК

— Дедушка, а, дедушка!

— Слышу детка, чего тебе?

— В твоем шкафу старую газету нашел, стал читать, да не все понял.

— Например?

— Что такое, дедушка, „ликвидация неграмотности“? Это про ребят дошкольного возраста? Да? Почему же такие маленькие на заводах работали?

— То-то и есть, что про взрослых.

— Дедушка, ты шутишь?!

— Нет, не шучу.

— Да как же могут быть взрослые неграмотные?.. Ведь теперь и слепые и глухонемые все грамотны .. Ах, я сам догадался! Это, наверное, те, которые или родились сумасшедшими, или сошли с ума до школьного возраста и не могли научиться?.. Дедушка, чего ты смеешься?!

— Теперь, детка над этим можно и посмеяться, а тогда, когда я был таким, вот, как ты — эта неграмотность была и горем нашим, и стыдом!

— Дедушка, а что это „нэпачи“ — дикие? людоеды?..

— Вроде... из рабочего человека соки вытягивали.

— Где же была милиция?! И как они нападали? Шайками?.. Они наверно, были татуированы, с кольцами в ноздрях и перьями в волосах, как на картинках?.. Дедушка, чего ты смеешься?..

— Да, милиция смотрела, все, кому следовало, смотрели, высылали их подальше..

На их родину? в дикие места? в прерии?

— Да, да... были они круглые, жирные, в кольцах на всех пальцах... Да, шайка была большая...

— А перья на голове были?

— У женщин на шляпах.

— Страусовые?

— И страусовые.

— Дедушка, а почему они любят смотреть танцы „шимми“ и „фокс-трот“? Это танцы диких? да?.. Дедушка, а что это такое „буржуазная сволочь“?

— Это вымершая порода людей... Разве только в самых диких уголках, в непроходимых лесах и болотах встречаются отдельные экземпляры... В этнографическом музее можешь увидеть мумию этой сволочи...

— Дедушка, она не может ожить?

— Нет, детка, она засохла. Да пусть оживет: теперь она не страшна.

— Дедушка, а меньшевики—это лилипуты? Чего ты смеешься?!. Дедушка, а что такое „снижение зарплаты“? Разве это было?..

— Было, детка, было, но никогда не будет.

— А что такое „сокращение штатов“? Это в Америке?.. Дедуся... деду... задремал! Дедущка-а!..

— Что?!. а?!.

— Задремал ты, а я тебя за колено тронул.

— Спасибо, внучек, что разбудил: снилась мне всякая дрянь: Романовы, Распутин, Ллойд Джорж, Пуанкарэ, Керенский...

— Дедушка, а что такое...

— Завтра, внучек, завтра, сейчас спать пора!

Исидор Гуревич.

ВОССТАНЬЕ НА МЛЕЧНОМ ПУТИ

Грандиозная, интер-планетная художественная фильма в 6-ти частях, фабрики Планет-Сов.-Кино. Выпуска 1994 года.

Вам, жители неземных полушарий,
Вам живущим на Марсе, Юпитере, и Венере,
Землей посвящен этот сценарий,
Созданный в Эсэсэсере.
Я—Мир-Кино. Нить планетарного нерва я.
Смотри и слушай:

Часть первая

Солнце сердито вращает белками—
Мирового не скрыть конфуза:
Земля прикоснулась радио-руками
К тверди небесного союза.
По Млечному Пути пробегают тучи—
Влиянье земной атмосферы.
Звезды... Звезды собираются в кучи...
Солнце спешно сигнализирует в сферы.
Обнаглели кометы, хвосты задирая...
Краснеют эфиры...

Часть вторая

Венера подмигнула Юпитеру глазом—
Понесся Юпитер по орбите бурно:
Нужно предупредить, побывать у всех разом—
У Марса, у Меркурия, у Сатурна...
Вспыхнули огни в центре небесного лона:
Экстренное звезд-заседанье в созвездии Ориона
Передвижка звезд на Млечном Пути...
Впервые в миллионолетья!
Солнце распаляется гневом... Ах так? Погодите...

Часть третья

Солнце решило закрыть орбиты,
Не дать ходу планетам, кометам и—баста!
Планы Солнца неб-физикой в корне биты,
У Солнца шансов:—один—на-сто!!...
Сговорились планеты со звездами о цели конечной—
Запылал ослепительно Путь Млечный...
Освежилась вкруг Солнца атмосфера спертая...

Часть четвертая

Соскочив с орбит, дав всем по тайному знаку—
Медведицам, Льву, Тельцу и Раку,
Ринулись планеты в солнечную аттаку.
За планетами—кометы, за кометами—звезды...
Кончился солнца тысячелетний роздых,
Прижали солнце к стенке светила:
Дай свободу движенья, иначе—могила!
Подумало солнце:—Эх, жизнь проклятая!
Вздохнуло. Блеснуло. Ну, ладно...

Часть пятая

Исчез Млечного Пути след неизменный:
Разбрелися звезды по лицу вселенной.
Под влиянием земной атмосферы
Умчались планеты в надземные сферы,
И, в грандиознейший факт превративши фантазию,
Связались с землей радио-связью,
Охотно в земную систему вростая...

Часть шестая

Эпилог. Земля „прорубает в небо окно."
На Марсе, Венере—Планет-Кино...
Пространство миров разрывает на части
Звезда планетарной Советской власти,
Ударив светом в миллиарды сердец...

Конец

Александр Флит

ТРАКТОРОКРАДА ПОЙМАЛИ!

Рис. А. Радакова

— Так ему, чорту, и надо! Не воруй! За одну неделю три трактора угнали...

АВИОПЬЯНИЦА

Нужно прекратить полеты в пивные на Луне.
(*Из газет 1994 г.*)

Рис. Н. Радлова

— Ах, ты, проклятый лунатик!

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Радио-инструктор Пролетарский с трудом отыскал в селе свободный аэроплан — все были в разлете.

Мужик — дядя Терентий долго размышлял.

— А далече лететь-то? — спрашивал он, поправляя на носу пенснэ.

— Не далеко: шестьсот сорок два километра...

— Это в Кривособачкино, что-ль?

Терентий сощурил глаза, прицелился и плюнул через всю комнату — в плеветельницу. Получив утвердительный ответ, сказал:

— Не далеко-то — верно, да машина моя — с норовом, как бы не вышло чего... Ин, ладно: полетим. Сейчас выведу.

Через десять минут инструктор уже дремал на пассажирском сиденьи, убаюкиваемый мерным гудением мотора.

Дядя Терентий, сутулясь на авио-облучке, внимательно нащупывал и облетал все неровности и ухабы провинциальной воздушной дороги.

— Шали, подлый! — свирепо ворчал он каждый раз, как только мотор давал перебои.

Инструктор почувствовал толчок и раскрыл глаза. Машина стояла среди поля. Терентий сидел на корточках под пропеллером, разматывая веревку.

— В чем дело? — спросил инструктор.

— Не держится вишь — ослаб... Сейчас мы его подтянем... Вот... эх-ты!..

Дядя Терентий уперся левой ногой в кузов и тащил к себе конец веревки. Как вдруг веревка лопула, и Терентий повалился на-спину.

Он поднялся растерянно, с концом веревки в руке.

— Что ты скажешь?! Гнилая, стерва! Обождите, гражданин — тут недалеко деревня — я сбегаю за веревкой-то...

Однако, Пролетарскому не захотелось сидеть, и он решил сам пройтись в деревню.

Деревушка оказалась небольшой и убогой: десяток трехэтажных каменных домов, электрическое освещение старой конструкции...

— Живут-же люди! — с сочувствием подумал Пролетарский, осторожно ступая на каменную мостовую.

Перейдя улицу, он заметил маленькое покосившееся здание, несуразно торчавшее между домов.

На стене, возле двери, были расклеены объявления.

Пролетарский с изумлением прочитал:

„*Внимание! Зайдите и убедитесь! Новые пути религии! Прием в любое время. Ответы на все интересующие вопросы*“.

Зашел и убедился.

В полутемной тускло освещенной церковке сидел старик, на вид лет ста тридцати.

Он вздрогнул, очнувшись от дремоты, и поднял подслеповатые глаза.

— А? Кто тут?

Пролетарский изумился еще больше: перед ним был самый настоящий поп, — случайно уцелевшей в этой далекой и жалкой деревушке.

— Как?! — вскричал Пролетарский: — Вы еще живы?!

— Жив, сын мой... хотя и обретаюсь при последнем издыхании... Ибо нет средств омолодиться... Христиане малочисленны стали...

— Так вы, в самом деле, священник?

— Священник, сын мой... Представитель новейшей... к-хо!к-хо!...

Старик закашлялся и, еле отдышавшись, закончил: — Жи... живой церкви... Новые пути религии... Даю ответы на все ин... те... к-хо!... ресующие вопросы духа... к-хо! — к-хо..!

Им снова овладел мучительный приступ кашля.

— Вам-бы, в самом деле, омолодиться, — сочувственно отозвался Пролетарский: — Так и помереть недолго...

— Что поделать, сын мой... Давеча зашел один деревенский парень. Я и говорю: омолодите, христа ради, на казенный счет... Все, говорю, омолаживаются — неужто-ж мне одному помирать?.. Ах, сын мой, какая нынче молодежь пошла!..

Старик печально покачал головой.

— А он и отвечает: — Вы, батюшка, не обижайте бога: ежели все будут омолаживаться, тогда некому и помирать, и в рай попадать...

— А что же вы на это сказали? — полюбопытствовал Пролетарский.

— Что вы говорите? — переспросил старик.

— Говорю: как вы ответили?

— А? Чего? Не слышу — глухой стал...

Сердито и упрямо блеснули подслеповатые глазки.

Инструктор засмеялся и вышел. На улице дожидался Терентий.

— Готово: Перевязал. Садитесь.

Ив. Пр.

СВАДЬБА

Рис. Н. Радлова

— Ты что-же в обход летишь?
— Нельзя прямо: там воздух не в порядке!

СЕЛЬСКАЯ КАРТИНКА

Рис. Б. Антоновского

КЛУБ

Со стадом — домой.

ИЗ ЗАЛА СУДА

(Газетный отчет 1994 года)

I

ДЕЛО ТРЮКОВИЧА

Публика, слетевшаяся в зал заседания, волнуется, ожидая громкого процесса кино - артиста Фильма Экрановича Трюковича, обвиняемого по 1.347.200.914 ст. уг кодекса, в куреньи табаку.

Этот дерзкий преступник, имеющий, кстати сказать, страшную наследственность — отец его был бухгалтером, а мать однажды плюнула на панель — закурил, высунувшись в окно... папиросу! В результате — отравлено никотином все население дома, включая кошку Марию, а также пострадали проходившие по улице четверо граждан, из коих один, Табакотрестов, тяжело.

Развратник был задержан на месте преступления и доставлен постовым аэропланом в ближайший участок милиции, где в преступлении сознался, объяснив, что порочные наклонности привила ему еще в детстве нянька, дядя которой был мазохист и добровольно, с целью причинять себе страданья, носил обувь с узкими носками, известную под названием „Джим"...

Жуткое признание!..

Это гнусное и отвратительное преступление взволновало общественное мнение, и в обществе нашлись даже элементы, пожалевшие, что на месте былых исправдомов ныне помещаются городские станции беспересадочного сообщения Ленинград — Марс...

II

ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ ЗАСЕДАНИЯ

Публика слетелась именно к этому делу. Но, в перерыв, защитник подсудимого побежал наскоро подмолодиться, и теперь его ждут.

В зале заседания вполголоса идут разговоры на злободневную тему — о наследственности. И мы имеем время, пока молодится защита, занести в свой радио-блок-нот несколько бытовых сценок из зала суда...

Идет спор о наследственности.

У одного гражданина дед был официантом, и вот внук не может не только видеть чая, но даже слышать таких слов, как — „нечаянно", „отчаянно", „случайно" — всего, что напоминает ему старинное оскорбление действием — „на чай". С ним делается рвота и судороги в пальцах.

У другого — тетка дала однажды взятку комиссионеру, и теперь бедняга племянник боится цифры „114", как огня...

III

НАПАДЕНИЕ ГРОМИЛ НА АЭРОПЛАН

Почтенная гражданка рассказывает:

— „Еду я вчера с Марса — у зятя была на радио-рождении... И что вы думаете? На 1001-й версте какие-то люди останавливают наш аэроплан, наводят на нас хим - ружья и начинают рыться в наших вещах... Казалось, все погибло... И, вдруг, мы слышим крик:

„Руки вверх!"

— „Кричит, оказывается, пассажир из купэ № 1409, такой хорошенький, с полным ртом зубов и с вьющимися кудрями, похож, знаете, на того.. как его?.. ну, на картинках старинных еще есть...

— Чичерина?

— Да нет!.. С бородкой такой... Бухарина!.. Так вот я и говорю: закричал „руки вверх!" — громилы и подняли руки, а мы их в охапку и вниз по одному побросали. Насорили, говорят, внизу — страсть!.. И что же оказывается: у молоденького-то пассажира — настоящая наследственность — отец его был в 1924 г. агентом угрозыска!..

IV

ТЯЖЕЛОЕ ДЕТСТВО

Подсудимый признает себя виновным и рассказывает печальную историю своего детства.

— Бухгалтер отец, даже во сне видевший цифры; мать, плюющая на панель, точно в свой собственный платок; тетка, евшая семячки; брат, застрелившийся у порога, закрытой в 1957 году, последней в мире пивной...

— И, наконец — нянька, — эта изуверка, дядя которой злоупотреблял узкими носками обуви!..

Тяжелое детство!.. И пройдемте мимо него, читатель!..

V

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО

— Откуда вы взяли эту... этот предмет? интересуется суд.

Подсудимый, волнуясь:

— Папиросу?!

Мы содрогаемся...

Защита ходатайствует о закрытии дверей и удалении публики на время допроса подсудимого.

Двери закрываются...

Сотрудники газет, удаленные вместе с публикой через двери, проникают в зал через форточку.

— Подсудимый Трюкович развязно и нагло дает свои объяснения:

— Коробка папирос „Выставочные" попала ко мне по наследству от двоюродного деда, торговавшего кремнями для зажигалок. В ней было две папиросы и один окурок... Я решил, что в жизни надо испытать все... И... неделю назад, я выкурил этот окурок!.. Я сказал все. Судите меня!...

VI

ПРЕНИЕ СТОРОН

К прению сторон двери открываются. Сотрудники газет вылезают из форточки и входят, вместе с публикой, в дверь.

Речь прокурора.

— Граждане судьи! — начинает обвинитель. — Перед вами — пришелец из другого мира, гнусная отрыжка прошлого! Того прошлого, когда люди открыто занимались развратом, сидя в пивной, за бутылкой — страшно вымолвить! — пива, держа в зубах — жутко сказать! — папиросу, бренча в кармане — ужасно произнести! — двугривенными!! Но прошлое пусть будет прошлым... Я прошу о применении к этому человеку высшей меры наказания!..

Над столом защиты зашевелилась русая головка защитника. Он говорит:

— Граждане судьи! . Я попрошу вас только вспомнить об узконосых „Джимах"... Это — проклятие наследственности! Я все сказал!..

VII

ПРИГОВОР

Суд выносит приговор:

Фильм Экранович Трюкович признан виновным в преступлении, предусмотренном ст. 1.347.200.914 уг. Кодекса, и приговорен к высшей мере наказания — обречению на безделие в течении 48375,302 человеко — часов.

Приговор встречен восторженно.

При выходе из зала заседания, двое сотрудников газет раздавлены при попытке вылезти в форточку.

Николай Мавров

ПИОНЕРЫ 1924 ГОДА

Рис. Н. Р.

в 1994!

НЕСЛОЖНОЕ ДЕЛО

— Товарищ Серп, ты командируешься делегатом от нашего звена на Сатурн.

— Всегда готов!

ТЕХНИКА и ПЕРО-ТЕХНИКА

Прогресс, как лошадь, прёт и прёт —
Без устали, вперед.

* * *

Давно-ль, бывало,
У каждого окна
Румяная пиш-барышня зевала,
Ресницы углем рисовала
И, довоенных дум полна,
(То принята, то вновь сокращена)
На пиш-машинке стукала не шибко:
В пяти словах — семьсот одна ошибка!
Но техники трудились много лет,
Похвальным рвением объяты.
И что-же? Сократились штаты...
Где барышни? Увы! давно их нет:
Строчат у каждого окна пиш-автоматы,
Сто тысяч отношений в час.
Ни болтовни, ни смеха, ни улыбки,
Ни крашеных ресниц, ни томных глаз...
Сто тысяч в час — и ни одной ошибки!
Но — ах! — печален бедный зав:
Сто тысяч в час, а жить ему не сладко...
Клянет он технику, не рад порядку...

* * *

Читатели! увы — он прав:
Не пригласишь в кафэ пиш-автоматку!

Кузьмич.

У ПИЩЕВИКОВ

— Как у вас дело с производительностью?

— Пожаловаться не можем: 6 квадриллионов пилюль, не считая облаток для ответственных работников и зерен умственного труда.

СЕНСАЦИЯ

Рис. В. К

— Куда это народ бежит?

— К Елфиму — у него, сказывают, таракана за печкой обнаружили, ну и бегут поглядеть какой он из себя. Говорят, с усами.

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор **А. С. Андрейчик**

Ленинградский гублит № 18658. Типо-Литография „Красный Печатник“. Ленинград, Международный, 75. Тираж 50.000 экз.

Рис. Л. Бродаты

— вы увидите, что единственным белым клочком во всем мире останется к этому времени Панамский перешеек. Это будет последняя панама капиталистов!